УДК 81'36
ББК Ш141.12

Э. В. Серебрякова

**ПРОБЛЕМА
ГРАММАТИЧЕСКОЙ
НОРМЫ
В ДИАХРОНИИ
(на материале рукописи XVII
века «страсти Иисуса Христа»)**

Описаны результаты исследования с точки зрения реализации грамматической нормы текста апокрифического сочинения «Страсти Иисуса Христа», составляющего основную часть конволюта XVII в., который хранится в Мордовском краеведческом музее и не введен до настоящего времени в научный оборот. Дано определение грамматической нормы, кратко изложены точки зрения известных ученых на изучение эволюции нормы книжно-славянского языка на разных этапах его развития и на установление и описание основных характеристик «строгой» и сниженной нормы церковнославянского языка. Это употребление / неупотребление сложной системы прошедших времен глаголов, двойственного числа, принципы использования причастных форм, оформление императивных, причинных, условных и временных отношений и некоторые другие черты. Сделан вывод, что язык памятника представляет в основе своей церковнославянский язык сниженной нормы XVII столетия с проявлением диалектных особенностей, присущих южнорусскому наречию.

Ключевые слова: *апокриф, рукопись, макротекст, языковые нормы, претериты, двойственное число, оборот дательный самостоятельный.*

Серебрякова Элина Валерьевна – аспирант кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва
Тел.: 8 (8342) 22-42-63; +7-917-994-51-10
E-mail: svadba-serebro@mail.ru

©Серебрякова Э.В., 2015.

Существование норм в языке, как известно, носит объективный характер. Языковые явления, отражающиеся в понятии нормы, сложны, весьма многообразны и могут быть охарактеризованы с различных сторон. М. Л. Ремнёва определяет ее как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой» [Ремнёва, с. 27].

Центральной проблемой в истории литературного языка является изучение истории его нормы: история литературного языка понималась как смена его норм А. И. Горшковым [Горшков, с. 32]; принципы и время стабилизации литературной нормы являлись основополагающими для А.А. Алексева [Алексеев, с. 43–46], с историей изменения механизма стабилизации нормы он отождествляет саму историю литературного языка; рассматривал историю литературного языка как последовательную смену периодов централизации (нормализации) и децентрализации (потери строгости нормы и проникновения локальных явлений) Н. И. Толстой [Толстой, с. 39–42].

Таким образом, в настоящее время осознана необходимость установления и описания характеристик нормы книжно-славянского языка на разных этапах его развития (причем важен анализ нормы именно грамматической как самого устойчивого звена системы). Эта проблема поставлена в работах Г.А. Хабургаева [Хабургаев, с. 370–372], Б.А. Успенского [Успенский, с. 11–14], Н. И. Толстого [Толстой,

с. 37–38]. Большой вклад в разработку истории церковнославянского языка как литературного языка донациональной эпохи внесен работами М.Л. Ремнёвой, проанализировавшей историю развития церковнославянской грамматической нормы в ее вариантах [Ремнёва, с. 72–160, 208–255].

Все вышеперечисленные ученые сходятся во мнении, что на протяжении своей истории литературный язык (русский церковнославянский) не был единым. Он был представлен двумя вариантами – двумя «типами», по В. В. Виноградову [Виноградов, с. 100–102], или стандартными и «гибридным» церковнославянским языком, по Н. И. Толстому [Толстой, с. 132], или церковнославянским языком разной степени строгости (при существовании двух типов нормы – «строгой» и «сниженной»), по М. Л. Ремнёвой [Ремнёва, с. 30–31]. Эти разные «типы» нормы реализовывались в памятниках книжно-славянской письменности XI–XVII вв.: «строгую норму» церковнославянского языка характеризует нормативность и неизменность в течение веков всех грамматических средств, она устойчива и последовательно отвергает «иносистемные» варианты; характерной чертой грамматической нормы сниженного типа является набор вариантных средств для выражения определенных грамматических отношений, причем система вариантов формируется за счет возможностей восточнославянской языковой системы (это функциональные варианты, или полные дублиеты, одинаково правильные с точки зрения нормы). Нормы разной степени строгости (разные «типы» литературного языка) по-разному реализовывались в текстах разных жанров, образующих строгую иерархическую систему [Толстой, с. 36]. До появления грамматик (т.е. до конца XVI в.) существование каждого типа нормы поддерживалось своим «типом» образцового текста. Именно образцовые тексты моделировали языковую деятельность, поэтому до конца XVI в. источником представлений о нормативном может быть только текст. «Практически определить норму книжного языка можно, ответив на вопросы, какими правилами руководствовались книжники в области графики, орфографии, грамматики, создавая свои произведения, что для них было ошибочным и невозможным для реализации, что имело лишь одну возможность, что допускало варианты реализации» [Ремнёва, с. 30].

Строгая и сниженная норма противопоставлялись друг другу на основе ряда признаков, факт наличия / отсутствия которых мог становиться средством характеристики письменных текстов и специфики их норм. Такими признаками являются: употребление / неупотребление сложной системы прошедших времен глаголов, двойственного числа, принципы использования причастных форм, оформление императивных, причинных, условных и временных отношений и некоторые другие черты. При последовательном стремлении текстов обоих типов сохранить ряд признаков, по которым они противопоставлялись друг другу, и не допустить средств «иносистемных», они влияли друг на друга (в

разной степени в разные периоды) на протяжении всей донациональной эпохи Руси.

Очевидно, что взаимодействие русского и церковнославянского языков никогда не прекращалось и его можно проследить во многих жанрах письменности. С другой стороны, и литературный книжно-славянский в определенной связи с развитием живого русского языка претерпевал эволюцию, которая осуществлялась, в основном, в сфере реализации книжно-славянской нормы «сниженного» типа за счет проникновения грамматических средств деловой и бытовой письменности и языка фольклора [Ремнёва, с. 31].

Полагаем, что такая интерпретация истории русского литературного языка на данный момент является наиболее убедительной – ей в полной мере соответствует лингвистический материал, это подтверждают и исследования последних лет.

Перейдем к анализу нашего материала.

В фондах Мордовского краеведческого музея (г. Саранск) в числе одиннадцати рукописных книг XVI–XVIII вв. хранится манускрипт XVII в. «Страсти Иисуса Христа и избранные жития»¹, который никогда не описывался, не исследовался, не введен в научный оборот.

Кроме «Страстей Иисуса Христа», конволют содержит также Мучения святых Кирика и Иулиты (память 15 (28 по нов. стилю) июля), окончание Сказания о пустынноике, Сказание о черноризце Мартирии, иллюстрации к притче о богаче и Лазаре (Лк 16: 19–31), Сказание о преподобном Авраамии мнихе.

Следует отметить, что текст «Страстей» писал последователь Никоновской реформы, о чем свидетельствуют написание **Иисоусть**. Но впоследствии какой-то старообрядец (вероятно, один из владельцев или переписчиков) постарался вымарать первую букву имени и половину второй: **исоусть**, хотя кое-где в тексте сохранилось и прежнее написание. О приверженности старообрядчеству составителя конволюта говорит и включение в его состав Мучений святых Кирика и Иулиты, которых старообрядцы почитают своими покровителями, считая себя такими же, как они, гонимыми за веру. Поэтому в ряде старообрядческих сборников с похожим составом, включающим в себя Страсти Христовы и избранные жития, почти всегда находится и данное произведение.

В исследуемом нами апокрифе, кроме вступления и заключения, написанных другим почерком, содержится двадцать шесть глав (из тридцати двух в полной версии) и два послания: Понтия Пилатского Тиберию и Тиберию Понтию.

Макротекст манускрипта представляет собой органичное и гармоничное соединение вербальных частей с сопровождающими их иллюстрациями. Их в общей сложности 90. В Страстях 31 иллюстрация, сопровождающая каждую главу и охватывающая весь страстной цикл. Это так называемые выходные миниатюры, каждая из которых занимает отдельный лист, расположенные перед названием глав. Большинство из них сопровождается началом новой главы и изображает то, о чем в ней повествуется. Только шесть иллюстраций вклеены реставратором книги

не на свое место, поэтому их текстоорганизующая функция непреднамеренно нарушена. По-видимому, была и 32-я, утраченная, миниатюра.

Все миниатюры великолепно выполнены, представляя высочайшую художественную ценность. Таким образом, при анализе макротекста лицевого списка мы имеем дело сразу с двумя семиотическими типами текста: словесным и изобразительным. Они настолько неотделимы друг от друга, что создают неразрешимую проблему при переводе данного рукописного памятника в электронный ресурс из-за его плохой сохранности, наряду с невозможностью передать пять разных почерков, которыми написан памятник, владельческие надписи, заставки разного типа и некоторые другие особенности [Дёмкина, Акимова, с. 9].

Рукопись написана полууставом, сохранены знаки ударения и другие надстрочные знаки, титла и выносные буквы. Из знаков препинания отмечены немногочисленные запяты. Текст разделен на слова. Предлоги и союзы пишутся слитно с полнозначными словами.

Некоторые факты говорят о том, что памятник переводной: **ей констаннѣ глаголемъ** (л. 103 об.), **Исусъ изволи сотворити предивное вхождение** (л. 7).

Анализ графико-орфографических особенностей манускрипта показал, что писец использует графические средства во множестве вариантов. Закрепление той или иной графемы, входящей в дублетную оппозицию, происходит непоследовательно, так как различный набор графических средств, обозначающих одинаковые звуки, встречается в одной и той же позиции в слове.

Судя по многочисленным написаниям буквы **а** на месте **о** в слабых позициях в корнях, приставках, суффиксах и окончаниях слов, писец был носителем акающего говора: **лабзати** (лл. 39, 79 об.), **крававы** (л. 83), **Баломон** (л. 76 об.), **заветста** (л. 51), **шастый час** (л. 63), **чатыре** (л. 46 об.), **пакажи** (л. 100), **патаенны оученикъ** (л. 103 об.), **акаанныи** (л. 47 об.), **дерзастно** (л. 76), **ризаю** (л. 105 об.). Отмечено также эканье: **сметение** (л. 34), **трестиста** (л. 66 об.), **сосветыми** (л. 73), **в день петка** (л. 99 об.); чоканье: **возложиша чепь железнѹ** (л. 43 и далее); диссимиляция заднеязычных: **и хкомъ привѣгнѣ** (л. 81), **хкесарю** (л. 105 об.), **испроверхъ** (л. 89 об.); ассимиляция по звонкости-глухости: **зженами** (л. 62, 72, 79), **звыстьста** (л. 72 об.), **тпашких** (л. 66); окончанием **-ыми** вместо **-ами**: **желѣзыми гробъ его вбложитѣ** (л. 86 об.).

В тексте в большом количестве использованы характерные для церковнославянского языка формы прошедшего времени (аорист, имперфект), а также восточнославянский перфект, утративший спряжение вспомогательного глагола «быти» в форме настоящего времени, контекстуально синонимичный этим формам: **сотворилъ есть** (л. 63). Несмотря на то что ко времени создания памятника данная система глагольных парадигм уже была практически полностью разрушена, а значения аориста, имперфекта и восточнославянского перфекта уже не различались (о чем свидетельствуют первые грамматики церковнославянского языка), писец последовательно соблюдает различия между данными грамматическими образованиями. Фактов плюсквамперфекта в памятнике не обнаружено.

Формы двойственного числа последовательно употреблены в заставных выражениях **и слезы безпрестанно извчню моею текѹтъ** (л. 22), **свѣтъ вчню моею** (л. 72 об.), а в остальных контекстах нередко смешиваются с формами множественного числа.

Оборот дательный самостоятельный во временном значении употреблен в тексте всего 5 раз, например: **ислышацимъ имъ анггъ множество невидимо навоздоусть велми сладцѣ воспѣвающе тристѣю пѣснь тогда Івсиѡъ сникодимом слыша начаша тож пѣти единоголасно** (л. 81); **стрегѹщемъ намъ гробъ внезапѹ бысть ооугроба ангель** (л. 93).

Конструкция «да + презентная форма глагола» для передачи значения цели также используется единично: **повѣдоша да тамо распнѹтъ его** (л. 62). В функции повелительного наклонения данная конструкция не зафиксирована.

Итак, по мнению М. Л. Ремнёвой, «норма в истории русского литературного языка Древней Руси – это искомое, подлежащее определению и характеристике» [Ремнёва, с. 30].

Из всех признаков «строгой» церковнославянской нормы исследуемый текст обладает лишь одной – сложной системой претеритов, которая удерживает его в рамках книжно-литературной традиции.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что язык памятника представляет в основе своей церковнославянский язык сниженной нормы XVII столетия с проявлением диалектных особенностей, присущих южнорусскому наречию.

Примечания

¹ Страсти Иисуса Христа, рукопись // Фонды Мордовского государственного краеведческого музея. Шифр ОФ5218. 147 л.

При цитировании в скобках указывается лист рукописи.

Литература и источники

Алексеев А. А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVI вв. // Вопросы языкознания. 1987. № 2.

Виноградов В. В. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.

Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1987.

Дёмкина Э. В., Акимова Э. Н. Проблемы перевода в электронный ресурс лицевого рукописного сборника XVII века // Информационные технологии и письменное наследие. Петрозаводск; Ижевск, 2012.

Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.): 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Хабургаев Г. А. Возможности построения «синтетической» истории русского языка (в связи с замечаниями А. В. Исаченко) // Вопросы филологии. М., 1969.

References

- Alekseev A. A. Puti stabilizatsii yazykovoï normy v Rossii XI–XVI vv. // Voprosy yazykoznaniiya. 1987. № 2.
- Vinogradov V. V. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Izbrannye trudy. M., 1978.
- Gorshkov A. I. Teoriya i istoriya russkogo literaturnogo yazyka. M., 1987.
- Demkina E. V., Akimova E. N. Problemy perevoda v elektronnyi resurs litsevoĝo rukopisnogo sbornika XVII veka // Informatsionnye tekhnologii i pis'mennoe nasledie. Petrozavodsk; Izhevsk, 2012.
- Remneva M. L. Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv. M., 2003.
- Tolstoy N. I. Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov. M., 1988.
- Uspenskii B. A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.). 3-e izd., ispr. i dop. M., 2002.
- Khaburgaev G. A. Vozmozhnosti postroeniya «sinteticheskoi» istorii russkogo yazyka (v svyazi s zamechaniyami A. V. Isachenko) // Voprosy filologii. M., 1969.

Serebryakova E. V. (Mordovia state university of N.P. Ogarev, Saransk, Russian Federation)

Grammatical norm problem in diachronics (on the material of the manuscript of the XVII century “Jesus Christ passions”)

The article describes the results of the study in terms of the implementation of the grammatical rules of the text of the apocryphal writings of «Jesus Christ Passion», forming the bulk of convolutes of the XVII century, which is stored in the Mordovian regional museum and has not been introduced in the scientific sphere. It is given the definition of the grammatical norm, summarized the point of view of well-known scientists who study the evolution of the norms of book-Slavic language at different stages of its development and in the establishment and description of the main characteristics of the «strict» and reduced norm of the Church Slavonic language. It is use/disuse of a complicated system of past tenses of verbs, the dual number, principles in the use of participle forms, formation of imperative, causal, conditional and temporary relations and other features. An analysis of the graphic-orthographic and grammatical features of the manuscript concluded that the language of the monument is in the center of the Church Slavonic language of the reduced standard of the XVII century with the appearance of dialectal features inherent to the southern Russian dialects.

Keywords: *apocryphal manuscript, macrotex, linguistic norm, past forms, dual number, construction dative independent.*

Serebryakova Elina Valerievna – post-graduate student of the Russian language dpt. Mordovia state university of N.P. Ogarev.

Phone: 8 (8342) 22-42-63; +79179945110;

e-mail: svadba-serebro@mail.ru